

УМЪ ИЛИ ВОЛЯ?

(Отвѣтъ г. Э. Х. Калинину).

Разбирая на страницахъ «Военнаго Сборника» ¹⁾ чрезвычайно важный и жгучій вопросъ о подготовкѣ и выборѣ начальниковъ, мы говорили о необходимости наилучшей научной и тактической подготовки старшихъ начальниковъ, но въ то же время пришли къ заключенію, что этого еще далеко недостаточно, такъ какъ военное дѣло болѣе волевое, чѣмъ умовое, а потому требуетъ наличія характера, энергіи и силы воли. Ссылаясь на великаго Наполеона, который рисовалъ себѣ соотношеніе различныхъ качествъ, необходимыхъ полководцу, въ видѣ квадрата, одна сторона котораго выражаетъ умъ, а другая волю, и признавая полную гармонию въ природѣ въ этомъ отношеніи чрезвычайно рѣдкою, мы поставили вопросъ: что лучше—перевѣсъ ума или воли?

По нашему глубокому убѣжденію, для истинно-военнаго чловека, при неизбѣжномъ уклоненіи его умственныхъ или нравственныхъ качествъ въ какую-либо одну сторону, на дѣлѣ, въ большинствѣ случаевъ, *нѣкоторый* перевѣсъ воли важнѣе, чѣмъ перевѣсъ ума.

¹⁾ Д. Баланинъ. «Подготовка и выборъ начальниковъ». 1911 г. № 1.

Большой умъ способствуетъ развитію разсудительности, осторожности, медлительности, что иногда ведетъ къ колебаніямъ и нерѣшительности.

Сильная же воля даетъ энергію, твердость, самостоятельность, рѣшительность и мужество, которое такъ важно и не только въ военное время... Стремясь возможно ближе подойти къ идеалу, слѣдуетъ выбирать предпочтительно то, что болѣе подходитъ къ военному дѣлу, а потому, принимая во вниманіе, что мы уже имѣемъ въ арміи на высшихъ должностяхъ достаточный контингентъ людей, солидно образованныхъ, крайне желательно въ нашъ нервный, шаткій, слабовольный, быть можетъ, излишне гуманный вѣкъ, обратить большее вниманіе на выработку твердыхъ самостоятельныхъ характеровъ, способныхъ проявлять разумную инициативу и беззавѣтную рѣшимость для достиженія поставленной цѣли. Г-нъ Э. Х. Калнинъ, въ своей интересной статьѣ «Мысли о нашемъ мышленіи» ²⁾, высказывая свое мнѣніе по этому предмету, приходитъ къ совершенно противоположному заключенію. Онъ говоритъ: «слѣдуетъ отдать преимущество начальникамъ, обладающимъ сильнымъ умомъ, хотя бы при болѣе слабомъ характерѣ». Такое коренное различіе во взглядахъ на этотъ капитальный вопросъ наводитъ дѣйствительно на грустные мысли о нашемъ мышленіи вообще.

Неужели же правъ уважаемый авторъ упомянутой статьи, который, далѣе, говоритъ: «Корнемъ зла во всемъ нашемъ военномъ дѣлѣ является наше неумѣнье мыслить правильно, научно, строго логически, принявшее тревожные размѣры...».

Попробуемъ въ этомъ нѣсколько разобратся.

Мы говорили, что желателенъ только *нѣкоторый* перевѣсъ воли надъ умомъ, и въ то же время вполне опредѣленно проводили мысль о необходимости поднять научную подготовку старшихъ начальниковъ, считая, что для нихъ, кромѣ твердаго усвоенія своего непосредственнаго дѣла и постояннаго совершенствованія въ немъ, обязательно знакомство съ главными вопросами текущей литературы и съ нѣкоторыми классическими сочиненіями по военному искусству, безъ чего нельзя и рассчитывать на достиженіе высокихъ должностей въ арміи.

Поэтому выраженіе наше о «разумной» инициативѣ не есть невольная обмолвка, какъ думаетъ г. Э. Х. Калнинъ, и не можетъ

²⁾ «Военный Сборникъ» 1912 г., № 12.

свидѣтельствовать «о смутномъ сознаніи, что на одномъ характерѣ далеко не уѣдешь...».

Да развѣ одного ума достаточно для военнаго дѣла? При такихъ логическихъ скачкахъ, можно сказать и такъ: съ однимъ только умомъ и съ мѣста не всегда сдвинешься!

Признавая желательнымъ лишь нѣкоторый перевѣсъ сильной воли, конечно, не исключалась необходимость для военачальника и соотвѣтственнаго ума, а потому уноминаніе о самодурахъ, мыслящихъ вкривь и вкось, пожалуй, и не кстати въ данномъ случаѣ. Мы живемъ въ переходное время,—появляются модныя теченія, а съ ними и увлеченія...

Не увлеченіе ли, что *большая* часть войсковыхъ начальниковъ уподобляется шахматнымъ игрокамъ и будетъ всегда руководить боемъ издали? А вѣдь этотъ взглядъ и приводитъ къ заключенію, что при такомъ руководствѣ воля играетъ неособенно большую роль.

Примѣръ маршала Ойямы, который, оставаясь во время боя далеко позади арміи, могъ спокойно (?) раздѣлять свое время между перестановкою шашекъ на картѣ и прогулками, указываетъ не только на существенное различіе въ управленіи боемъ при нынѣшнихъ массовыхъ арміяхъ, но наводитъ и на другую мысль: несомнѣнно этотъ полководецъ не только отъ природы былъ одаренъ сильною волею, но и окончательно развилъ и укрѣпилъ ее предыдущей службой; только при этомъ условіи можно сравнительно спокойно распоряжаться въ тяжелыя и грозныя минуты боя, получая нерѣдко неблагоприятныя свѣдѣнія съ различныхъ пунктовъ современныхъ обширныхъ полей сраженій.

Къ великому нашему горю, мы не были такъ счастливы: у нашего полководца, подъ вліяніемъ донесеній тревожнаго характера, въ памятные и скорбные дни Ляоянскаго боя, не оказалось настолько твердой воли и рѣшимости, чтобы вырвать у противника побѣду, во что бы то ни стало.

А успѣхъ былъ такъ близокъ и возможенъ! Нельзя отказать генералу Куронаткину въ правильности его распоряженій на 20-е августа: «развернуть правобережную группу арміи на фронтѣ Сыквантунъ—копи Янтай и, принявъ затѣмъ за ось Сыквантунскую позицію, произвести захожденіе арміей лѣвымъ плечомъ впередъ, дабы взять во флангъ позиціи, переправившихся у Канквантунни японскихъ войскъ арміи Куроки и прижать ихъ къ рѣкѣ

Тайцыхе»³⁾. Прекрасный планъ этотъ, къ сожалѣнiю, выполненъ не былъ... Почему? Главнымъ образомъ потому, что не хватило смѣлости, не было силы духа, при наличiи котораго полководцы ставятъ на карту все для достиженiя цѣли. Развѣ это не наглядный примѣръ превосходства въ нашемъ кровавомъ дѣлѣ волп надъ умомъ?

Умъ крупнаго, выдающагося начальника долженъ въ извѣстной степени соответствовать его волѣ и наоборотъ, а потому мы и не принадлежимъ къ числу лицъ, исповѣдывающихъ вѣру въ «единственно» спасительное для высшихъ войсковыхъ начальниковъ значенiе воли и характера. Это взглядъ одностороннiй и для дѣла, безусловно, вредный.

Подчеркивая особенно, что для такой работы, какъ работа современныхъ полководцевъ, нуженъ, прежде всего, сильный умъ, г. Э. Х. Калнинъ какъ будто упускаетъ изъ виду, что эти выдающiеся люди обладали, въ то же время, и сильными характерами, т. е. они представляли въ высокой степени образцы того именно равновѣсiя, о которомъ такъ образно говорилъ Наполеонъ.

Никто, конечно, не будетъ отрицать необходимости выбирать на выснiя командныя должности людей сильнаго ума, съ развитой волей и практическими знанiями по командованiю строевыми частями.

Однако, какъ извѣстно, выборъ людей не такъ-то простъ—много данныхъ требуется для этого: знанiе, умѣнiе, добросовѣстность, независимость, вниманiе, безпристрастiе, безкорыстiе, соблюденiе *только* интересовъ службы! Облегчить это трудное дѣло можно, въ значительной степени, подготовивши контингентъ людей, изъ числа которыхъ легче было бы выбирать, а для этого надо, чтобы командованiе было настоящее, достаточно продолжительное, а не кратковременное или фиктивное, какъ это иногда бываетъ; кромѣ того, командовать необходимо и крупными частями, а не только мелкими (баталiонами, полками), когда практика въ управленiи значительными войсковыми соединенiями совершенно отсутствуетъ, безъ чего полевая подготовка высокаго начальника будетъ далеко не полной.

Мы не можемъ согласиться также съ авторомъ, что «у насъ въ послѣднее время принята практика назначенiя на выснiя

³⁾ Русско-японская война 1904—1905 гг. Работа исторической комиссiи. Т. III, ч. 3, стр. 185.

должности по одному лишь наличію строевого команднаго ценза». Факты доказываютъ, что это далеко не всегда такъ.

А между тѣмъ, правильная организація послѣдовательнаго прохожденія службы въ строю, на наиболѣе важныхъ и отвѣтственныхъ должностяхъ — командира полка и начальника дивизіи имѣетъ особое значеніе для подготовки высшихъ начальниковъ и, пока дѣло это не наладится прочно, мы не будемъ имѣть достаточно однороднаго и вполнѣ хорошо практически подготовленнаго команднаго состава.

Работа въ арміи, въ настоящее время, идетъ ходко не только по организаціонной и хозяйственной части, но, вопреки мнѣнію нѣмцевъ ⁴⁾, и по самообразованію личнаго состава, хотя, быть можетъ, не такъ гладко и успѣшно, какъ это желательно.

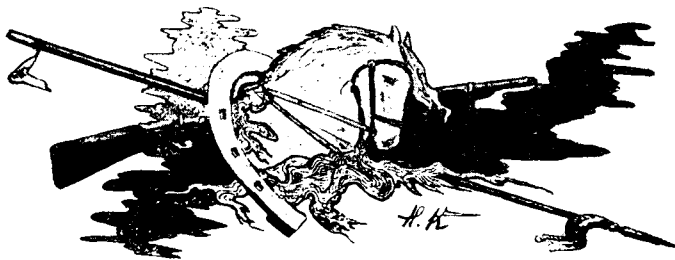
Въ заключеніе отмѣтимъ, что авторъ, чрезмѣрно налегая на необходимость «сильнаго ума» и «обширныхъ, глубокихъ познаній», что является удѣломъ лишь немногихъ избранныхъ лицъ, слишкомъ ужъ мрачно смотритъ на научную подготовку нашего генеральнаго штаба, этого мозга арміи.

Неправильнъ, по нашему мнѣнію, и мало обоснованъ окончательный выводъ г. Э. Х. Калнина по поводу замѣченнаго стремленія въ нашей арміи поставить подготовку войскъ на болѣе практическую почву.

Едва ли можно согласиться съ приведеннымъ девизомъ: «Прочь теорію и науку! Ближе къ жизни и практикѣ!»

Первая половина этой фразы, безусловно, не отвѣчаетъ дѣйствительности; люди, стоящіе близко къ строю, основательно понимающіе свое дѣло и добросовѣстно работающіе для поднятія боевой подготовки нашихъ вооруженныхъ силъ на должную, во всѣхъ отношеніяхъ, высоту, думаютъ и говорятъ такъ: меньше теоріи, но больше практики, основанной на наукѣ!

Д. Баланинъ.

⁴⁾ «Опасное недомысліе». «Новое Время», № 12939.